

УДК 81'373.45

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-44-53>

«Локалоиды» и адаптация интернациональной лексики в англоязычном описании русской культуры

А. М. Антонова ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Антонова Анжелика Михайловна,
SPIN-код: 9725-7214;
ORCID: 0000-0002-2232-6648;
e-mail: angelique.antonova@gmail.com

Для цитирования:

Антонова, А. М. (2022)
«Локалоиды» и адаптация
интернациональной лексики
в англоязычном описании русской
культуры. *Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 4, № 1, с. 44–53. [https://
www.doi.org/10.33910/2686-
830X-2022-4-1-44-53](https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-44-53)

Получена 18 февраля 2022; прошла
рецензирование 05 апреля 2022;
принята 12 апреля 2022.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © А. М. Антонова (2022).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии [CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация. Глобализация заставляет народы все больше обращаться к ведущим языкам мира, особенно к английскому, для популяризации своих культур на мировой арене. Ориентация языка в область иноязычных культур неизбежно влечет за собой его адаптацию к принимающим культурам. Используя последние достижения «интерлингвокультурологии» (молодой дисциплины, возникшей на рубеже веков и разрабатываемой профессором В. В. Кабакчи и его школой), которая занимается изучением вторичной ориентацией языка и формированием языка межкультурного общения (FCO Language), мы рассматриваем аутентичные англоязычные тексты о русской культуре, говорим о языковой гибкости культурной лексики (полионимов) при ориентации на внешнюю культуру, и в частности бинаров, т. е. межъязыковых пар, часто ассоциируемых друг с другом в процессе перевода. В работе рассматриваются примеры использования бинаров-интеронимов (интернациональной лексики), неизбежная культурная адаптация интеронимов при ориентации на русскую культуру, компромисс точности и доступности при введении интеронимов в текст. Особое внимание уделяется фактору билингвизма, который проявляется в поисках пути установления межъязыковой симметрии с опорой на точки соприкосновения контактирующих языков. Одной из таких точек и являются т. н. *локалоиды*, под которыми понимаются заимствованные локальные варианты интеронимов (например, *universitet*, *ministr*, *kafe*, *demokratiya*) и которые вводятся в текст либо для сохранения культурного кода и точности подачи информации, либо во избежание ложных друзей переводчика, либо из стилистических соображений. В статье рассматриваются разные варианты локалоидов от бинаров-локалоидов, в большой степени совпадающих по значению и тем самым облегчающих межкультурное общение, до идеологических локалоидов и ложных друзей переводчика.

Ключевые слова: интерлингвокультурология, иноязычное описание культуры, язык межкультурного общения, культуроним, бинары, интернациональная лексика, интероним, локалоид

International vocabulary and its locally borrowed variants in Russian culture-oriented English

A. M. Antonova ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River, Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Anzhelika M. Antonova,
SPIN-код: 9725-7214;
ORCID: 0000-0002-2232-6648;
e-mail: angelique.antonova@gmail.com

For citation:

Antonova, A. M. (2022) International vocabulary and its locally borrowed variants in Russian culture-oriented English. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 4, no. 1, pp. 44–53. <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-44-53>

Received 18 February 2022; reviewed 05 April 2022; accepted 12 April 2022.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. M. Antonova (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. Globalization has made it necessary for all nations to employ international languages, and primarily English, to promote their cultures. Application of a language to a foreign culture by necessity requires certain adaptations of the language. Such type of communication results in the formation of a specialized variety of the language: Foreign-Culture-Oriented (FCO) Language. Making use of the latest achievements in “interlinguoculturology” (a modern branch of Linguistics worked out by professor V. V. Kabakchi and his School), devoted to the study of the language in its secondary cultural orientation towards a foreign culture, we look at original English-language texts about Russian culture and analyze how culturonyms and in particular binary words belonging to two languages and often associated with each other in translation, are differently perceived in diverse cultures. We pay a special attention to binary interonyms (international vocabulary), their cultural adaptation in FCO Language and the compromise of the precision of the text and its accessibility to the audience. However, the main focus of the article is *lokaloids*, locally borrowed variants of international vocabulary (eg: *universitet*, *ministr*, *kafe*, *demokratiya*) which are introduced to English texts to add to the precision of the text and to avoid translator false friends or for reasons of style.

Key words: interlinguoculturology, Foreign Culture-Oriented language, international language, culture-bound word, binary words, international vocabulary, interonim, lokaloid

Введение

Когда в последней четверти XX века процессы глобализации буквально захватили нашу цивилизацию — интеграционные процессы служили стимулом к возникновению новых политических, экономических и политико-экономических объединений, — неудивительным явилось и стихийное возникновение нового языка международного общения (ЯМО), роль которого в наше время успешно исполняет английский — язык бизнеса и глобальных коммуникаций. Стало необходимым использовать английский язык в качестве вторичного средства популяризации родной культуры на мировой арене.

В центре внимания лингвистов оказываются вопросы лингвострановедения, лингвокультурологии, т. н. World Englishes, т. е. многочисленные варианты английского языка в различных уголках земного шара на обширной территории бывшей Британской Империи (Прошина 2007). В последней четверти XX в. Б. Качру выдвинул удобную схему деления использования английского языка на планете. Это три круга, три региона: Native Language English (Inner Circle);

Second Language English (Outer Circle); Foreign Language English (Expanding Circle) (Kachru 1992).

В начале XXI в. в межкультурной коммуникации выделяется новое направление *интерлингвокультурология* (Кабакчи 2011, 11), в котором основное внимание уделяется *иноязычному описанию культуры* (ИОК) (Кабакчи 2011, 19). При этом нас интересует конкретный случай ЯМО: английский язык межкультурного общения, АЯМО или Foreign Culture-Oriented English (FCOE), причем ориентированный на русскую культуру — АЯМО (РК) (Кабакчи 1998, 10). Для изучения закономерностей АЯМО (РК) мы привлекаем в основном аутентичные тексты, т. е. те, которые созданы непосредственно носителями родного или второго английского языка.

Иноязычное описание культуры и культурно-специфическая лексика

В подавляющем большинстве случаев текст ИОК состоит из обычных английских слов, которые переориентированы на иноязычную культуру, т. н. культурных универсалий, которые В. В. Кабакчи называет «полионимами». То, что

в отечественной лингвистике называют «языковыми реалиями», т. е. специфическими элементами культуры, В. В. Кабакчи называет «идиокультуронимами», которые он делит на «свои», исходные реалии, «идионимы», и реалии иноязычных культур, «ксенонимы» (Кабакчи, Белоглазова 2012, 25–27). Последние — это переводные варианты идионимов. При этом между ксенонимом и его идионимом устанавливается корреляция, прочная связь, которая позволяет осуществить переход от ксенонима к его идиониму. Кабакчи называет эту корреляцию принципом ксенонимической обратимости. Обратимость бывает абсолютной, уверенной и неуверенной. Только в случае абсолютной и уверенной обратимости номинация может называться ксенонимической. При этом абсолютная обратимость достигается посредством трансплантации идионима, которая стала встречаться лишь в последнее время при обращении к русской культуре, чаще всего в путеводителях и текстах экспатов. Во многих случаях уверенная обратимость в современных текстах обеспечивается транслитерацией (Кабакчи 1998).

“The rebellion <...> represented the resurgence of a Muscovite way of regarding authority and community: simple, moral, and personalized, based on God-given *pravda*” (Hosking 2001, 231).

Закономерно возникает вопрос: зачем автору текста понадобилось вводить ксеноним русского языка — транслитерированный русизм *pravda*? Для стилизации текста? Конечно, но не только.

Введение в текст ксенонимической лексики (в нашем примере транслитерированного заимствования) не только дополнительно обращает внимание читателя, что здесь есть расхождение в языковых картинах мира, но и позволяет сохранить точность подачи информации. Имея в своем арсенале заимствование из русского, читатель может дополнительно найти интересующую его культурную информацию самостоятельно. Для владеющих русским языком специалистов для поиска информации в русскоязычных источниках нужен ксеноним-русизм кириллицей или умение перевести транслитерацию в оную.

The word *pravda* <...> meant «truth», but also much more, in fact everything the community regarded as «right»: justice, morality, God’s law, behaving according to conscience. The criterion for any decision taken by the village assembly was that it must accord with *pravda*. *Pravda* was the collective wisdom of the community, accumulated over the generations. (Hosking 2001, 17–18)

Другими сложными для передачи на английский язык понятиями являются «воля» и «свобода». Понятие «воли» как таковое вообще в западной языковой картине мира отсутствует, да и свободу на западе понимают иначе, поэтому введение в англоязычный текст заимствованный тоже является оправданным:

Volia is not freedom as that understood in modern democratic societies, for which another word exists: *svoboda*. Rather, *volia* is the absence of any constraint, the right to gallop off into the open steppe, the «wild field» (*dikoe pole*), and there to make one’s living without humble drudgery, by hunting or fishing, or if necessary by brigandage and plunder. *Volia* does not recognize any restriction imposed by the equivalent freedom of others: it is nomadic freedom rather than civic freedom. The scholar Dmitry Likhachev has called it «*Svoboda* plus open spaces» (Hosking 2001, 18).

Данные примеры хорошо демонстрируют, что объемы значений полионимической лексики в разных языках часто не совпадают, поэтому в межкультурной коммуникации для сохранения специфичности значения нередко приходится прибегать к заимствованиям. Еще Л. В. Щерба писал, что «случаи полной эквивалентности слов на межъязыковом уровне редки; понятия слов разных языков являются величинами несоразмерными, не имеют точных эквивалентов в других языках» (Щерба 1974, 97). А В. В. Кабакчи говорит о лексико-семантической гибкости и относительности полионимической лексики (Кабакчи, Прошина 2021). Это представляет бесконечные трудности при переводе, потому что важно понимать, в какой степени языковая картина мира той или иной культуры преломляется при переходе на другой язык.

Языковые бинары и локалоиды как частный случай интернациональной лексики

Языковая практика отбирает наиболее популярные варианты перевода, а лексикографы закрепляют это в двуязычных словарях в виде пар переводческого соответствия, которые В. В. Кабакчи называет «бинарами» («бинарные лексические межъязыковые пары», *bilingual cultural substitutes*), т. е. межъязыковые пары лексических единиц, которые регулярно в ходе межкультурных контактов в процессе перевода механически ассоциируются друг с другом (впервые: Кабакчи 2009; Кабакчи, Белоглазова 2012). При этом ни в коем случае нельзя принимать такие бинары за языковые эквиваленты.

«Случаи полного совпадения лексических единиц разных языков во всем объеме их референциального значения относительно редки» (Бархударов 1975, 75).

Особенные сложности представляют самые что ни на есть устойчивые бинары, например устойчивая бинарная пара «каша — porridge», прочно закрепившаяся во многих англо-русских словарях. Однако объемы этих бинаров существенно различаются. Если porridge это «Oatmeal cooked in water or milk as a breakfast dish; originally Scottish. Also similar thick soups made with other cereals» (ODE), то русская каша — это «КАША ж. густоватая пища, крупа вареная на воде или на молоке. Крутая каша, гречневая, пшенная, полбенная, ячная, овсяная, ржаная или зеленая и пр. она готовится в горшке и в печи, запекаясь сверху; жидкая, каша; размазня, по густоте, между крутою и кашецею, похлебкой с крупою» (Даль 1996). Неудивительно поэтому, что хорошо знакомые с русской культурой авторы или русскоязычные авторы, пишущие на английском языке, вводят в текст заимствование из русского: «<...> *kasha* being the Russian word for almost any grain preparation both dry and porridgy <...>» (von Bremzen 2014, 45).

Существуют различные типы бинаров, которые, в зависимости от конкретной ситуации общения, в большей или меньшей степени влияют на восприятие текста описания иноязычной культуры. Эти бинары могут быть двух типов: *гетерогенные*, т. е. не имеющие общей этимологии («улица»/street), и *гомогенные*, восходящие к общему иноязычному источнику («армия»/army) и поэтому характеризующиеся большим или меньшим формальным сходством (Кабачки, Прошина 2021, 173).

В данной статье мы рассматриваем *локалоиды*, частный случай интернациональной лексики, который восходит ко второму типу — гомогенным бинарам. Для начала определим, что такое интернациональная лексика. Лингвистический энциклопедический словарь определяет ее так: «слова, совпадающие по своей внешней форме (с учетом закономерных соответствий звуков и графических единиц в конкретных языках), с полным или частичным совпадающим смыслом, выражающим понятия международного характера из области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующие в разных, прежде всего неродственных (не менее чем в трех) языках» (ЛЭС 1990, 52). Однако термин *интернационализм* имеет настолько широкое применение как термин социально-политический, что использовать его и как термин лингвистический

для обозначения лексического типа слова представляется нецелесообразным. Поэтому мы предпочитаем воспользоваться термином, который предложил Свадост: «интероним» (Свадост 1968, 48).

После распада Советского Союза и падения железного занавеса русский язык подвергся массовому нашествию англицизмов. Мы с упоением употребляли новые для нас тогда понятия: *плюрализм, консенсус, приватизация, кооперация, глобализация*, естественно наполняя их своим содержанием. Ведь всем известно, что как только слово оказывается на новой почве, оно начинает жить новой жизнью.

Причем надо понимать, что интеронимы, полностью совпадающие по значению, встречаются не часто. Вместе с тем даже при значительном расхождении значения интернационализма (т. е. «интеронимы») под давлением формального подобия на межъязыковом уровне «массово и регулярно отождествляются» двуязычными (Жлуктенко 1980, 47).

Возьмем часто используемый в АЯМО (РК) термин repression. Энциклопедия Britannica пишет:

Repression, in psychoanalytic theory, the exclusion of distressing memories, thoughts, or feelings from the conscious mind. Often involving sexual or aggressive urges or painful childhood memories, these unwanted mental contents are pushed into the unconscious mind. Repression is thought to give rise to anxiety and to neurotic symptoms, which begin when a forbidden drive or impulse threatens to enter the conscious mind. Psychoanalysis seeks to uncover repressed memories and feelings through free association as well as to examine the repressed wishes released in dreams (EncBr 2022).

В русский язык «репрессивный» попало из французского языка, если верить словарю В. И. Даля, как и многие другие политические термины под влиянием французской революции (Даль 1996). Слова «репрессия», «репрессировать» появились уже только в XX в. сначала в словаре Ушакова, потом Ожегова и потом в последующих. Причем в русском языке есть множественное число «репрессии», которое у советского человека XX в. и российского человека первой четверти XXI в. ассоциируется с вполне конкретным историческим периодом сталинских репрессий. В английском множественное число repressions, хотя потенциально и заложено в системе языка, но на практике встречается редко: «Dame Millicent Garrett Fawcett fought against the repression of women in England during the late 1800's through the early 1900's» (Repression 2022).

Множественное число *repressions* используется авторами преимущественно в отношении Советской России и периода сталинских репрессий или других стран соцлагеря, причем используется и как более привычный читателю вариант *repression* в единственном числе, так и частотное в советской культуре множественное число *repressions*:

The Russians, however, suffered as much as anyone else during the purges and **repression** that characterized Stalin's reign (EncBr 2022).

Her coming-of-age story of a young woman deported to Siberia during the Stalin-era purges of wealthier peasants, or *kulaks*, had been picked over for its portrayals of Soviet **repressions** and national identity in the largely Muslim region of Tatarstan ever since it was published in 2015 (Roth 2020).

National polling and anecdotal evidence have pointed to a limited rehabilitation of Stalin's legacy in Russia, with reduced attention to the repression that took place during his rule (Roth 2020).

"We need to know the truth," said Kirill Kaleda, a Russian Orthodox priest whose grandfather was among those killed and who's part of a campaign for full disclosure of the fate of victims of Stalin's **repression**. "We shouldn't try to cover it up" (Bloomberg 2020).

It's a vision that flies in the face of the mass **repressions** under Stalin and the history of Soviet occupation of Eastern Europe following the war (Bloomberg 2020).

Таким образом, когда в АЯМО (РК) интероним *repression* используется в отношении периода советской истории — репрессий конца 1930-х гг., — его значение значительно сужается. Что из такого описания вынесет читатель? Это зависит от его эрудиции в целом и знакомства с русской культурой в частности. Если он знаком с периодом сталинских репрессий, т. н. чисток и трудовых лагерей, то он сможет восстановить русский идиомом и его смысл, но если нет, то его мысленный взор нарисует картину подавленности и неустроенности того периода. Это не будет неверным, но это не соответствует тому образу, который хотел нарисовать автор. В данном случае использование интеронима существенно снижает точность описания периода советской истории. Возможно, множественное число является своего рода компенсацией и попыткой частичного восстановления значения, поскольку привлекает внимание читателя не совсем привычной формой.

В интерлингвокультурологии интеронимы рассматриваются как бинары определенного типа: «классические» интеронимы-полионимы

типа «университет»/*university*, которые действительно существенно облегчают межкультурное общение; «идеологические» интеронимы типа «демократия»/*democrasy*, которые в англосаксонской и русской культурах понимают по-разному и, соответственно, в межкультурной коммуникации представляют бесконечные трудности; *локалоиды*, под которыми понимаются заимствованные локальные варианты интеронимов (например: *universitet, ministr, demokratiya*), вводимые в текст (в нашем случае — в виде транслитерации) либо во избежание ложных друзей переводчика, либо из стилистических соображений (Кабачки 1998, 63). Локалоиды легко ассоциируются со своими коррелятами и в силу этого характеризуются семантической прозрачностью, к тому же демонстрируют эрудицию автора.

Бинары-локалоиды, совпадающие по значению и (по крайней мере, частично) по форме, существенно облегчают межкультурное общение. В текст вводится слово в его локальном написании: «Like most Moscow *taksisty*, he doubles as paid listener and anonymous confessor» (Corney 1993).

Практика межкультурного общения показывает, что локалоиды появились сравнительно недавно: во второй половине прошлого века. Рассмотрим, почему автору становится необходимо разграничить значения локалоидов и соответствующих англоязычных интеронимов, например «*kafe*» vs *café*:

A Russian "kafe" is not a *café* in our sense of the word, but rather a type of *cafeteria* or *snack bar* (Borowsky 1990, 157).

The term *klub* can cover anything from an *arthouse café* with a spot of live music to a dance warehouse, or a fancy nightclub with a restaurant and casino (Richardson 2005, 351).

Мы видим, что введение транслитерации из русского позволяет обратить внимание читателя на то, что объемы понятий слов в русском и английском языках не совпадают, и дает необходимую экспликацию, в чем состоит культурное различие, и читатель видит, что различие существенное. Вместе с тем похожесть формы написания облегчает понимание: «*kafe*» сразу относит к месту, где едят, а *klub* — где развлекаются.

Особенно продуктивными локалоиды стали в англоязычных текстах о русской культуре конца XX — начала XXI в., когда события политической истории открыли нашу страну многим западным влияниям, которые не могли

не затронуть языковые процессы. Тогда в западной прессе много писали о нашей стране, преобразованиях, которые в ней проходили:

Now the crime Lenin called speculation was known as *biznes* <...>. (Meier 2004, 66) *Demokratizatsiya* — another troublesome word because it does not mean the same thing as its English equivalent — democratization (Canadian Tribune 29.02.1988; цит. по Кабакчи, Белоглазова 2012).

Локалоиды снова используются для того, чтобы показать, как интеронимы, преломленные через реальность новой России, приобретают другой смысл на почве новых экономических и общественных отношений. Причем надо учитывать, что большую часть текстов о СССР в англо-саксонском мире писали т. н. советологи или кремлинологи, которые, с одной стороны, были профессиональными знатоками русской и советской культуры, а с другой — выполняли государственный заказ и соответственно представляли генеральную, в лучшем случае настоятельную, линию своего государства (Кабакчи 2021).

В первом примере автор явно показывает, что, конечно, слово английского языка *business* никак не может использоваться для названия того, что в России понимают под словом «бизнес». Свое отношение автор показывает через сравнение с *speculation*, даже прибегает для усиления эффекта к ненавистному на Западе образу вождя мирового пролетариата.

Во втором примере локалоид позволяет избежать использования «идеологического» интеронима. Ведь на Западе до сих пор не могут смириться с тем, что демократию мы понимаем иначе. С точки зрения западных авторов, это никакая не демократия, поэтому и полноценного слова *democracy*, или в данном случае *democratization*, не достойна.

А нижеприведенный пример, наоборот, показывает стремление найти что-то общее в наших культурах: с одной стороны, некую увлеченность русской культурой, но, с другой — в сочетании с *joked* и *The New York Times* — явно демонстрирует некоторую иронию: «Even in our small office we and our Russian employees constantly joked about *'The New York Times kollektiv'*» (Smith 1976, 376).

Ирония в данном случае объясняется тем, что в англо-саксонском сознании, где в центре стоит отдельный человек, существительного «коллектив» нет. *Individual* — это существительное и прилагательное, а *collective* — только прилагательное.

В частности, в словаре *Oxford Advanced Learner's Dictionary* середины прошлого века

отсутствует слово *collective* в функции существительного, но представлено словосочетание «*collective farm*» (OALD 1963).

Под влиянием советской культуры энциклопедические словари стали регистрировать дополнительное значение, но пока оно широкого применения в языке не получило:

adj. shared or made by every member of a group or society;

n. 1 a group of people who work together to run something such as a business or farm, and who share the profits equally **2** the business or farm that is run by this type of group (LDCE).

Для русской же и потом для советской культуры понятия «коллектив», «коллективность», «коллективизм» были во многом основополагающими, берущими свое начало еще в Древней Руси от *княжеской дружины*, *русской общины*, *мира*. Кстати, именно в силу важности подобных культурных понятий для англоязычного описания русской культуры ксенонимы *mir*, *druzhina* вводятся заимствованиями:

The word here translated «guards» (*druzhiny*) is an ancient term describing the close advisers and comrades-in-arms (the 'Household Guard') of the medieval Russian princes (CamEnc 1994, 322).

The ideal of the rural community was *mir*, which means "peace" but in time came to be adopted as the name of the community itself (Hosking 2001, 16).

В данном примере ксеноним *mir* поясняется при помощи существующего в английском языке аналога *rural community*, но автору этого объяснения явно недостаточно, и он старается донести до читателя и другое расширенное значение этого слова через кальку «*peace*». Сравним:

community, noun, a group of people living in the same place or having a particular characteristic in common, 2. a group of people living together and practising common ownership (a community of nuns), 3. a particular area or place considered together with its inhabitants (a rural community) (ODE 2010).

МИР, (миръ) м. вселенная; вещество в пространстве и сила во времени (Хомяков). | Одна из земель вселенной; особ. | наша земля, земной шар, свет; | все люди, весь свет, род человеческий; | община, общество крестьян; | сходка. В последнем знач. мир бывает сельский и волостной. Класть на мир, давать приговор на сходке; на сельском мире бывает по мужику от дыма, на волостном мире или кругу по два хозяина от сотни. Миры, земли, планеты. Встарь считали годы от сотворения мира, нашей земли. Идти в мир или по миру,

с сумою. На миру и смерть красна, на людях. Жить в миру, в мирских заботах, в суетности; вообще в свете; противополож. жизнь духовная, монашеская (Даль 1996).

Вместе с тем «коллективность», присущую русской культуре, отмечают многие авторы: «<...> a sense of belonging not just to the “collective” in the abstract but to a specific factory <...>» (Kelly 2014). Отметим, что К. Келли помещает кальку в кавычки, чтобы выделить ксенонимическое значение слова.

Вместе с тем в силу чуждости западному сознанию «коллективной» философии негативные нотки будут всегда сопутствовать этому локалоиду. К тому же эффект усиливается тем, что слово «коллектив» был краеугольным в советской идеологии, а значит, еще более порицаемым в устах официальной западной пропаганды: «Today, as a sacred entity in Soviet mythology, the *kollektiv* ranks second only to the Communist Party itself» (Smith 1976, 375).

Поскольку Коммунистическая партия была наивысшим злом, понятно, что слово «коллективизм» лишь немногим ей уступало.

Часто локалоиды вводятся в текст в качестве доказательства англизации современного русского языка, что не могло не доставлять радости советологам после распада Советского Союза:

Demokratiya, konstitutsiya, parlament and Prezident are all foreign additions to the Russian vocabulary (Time 27.05.1996).

Repeatedly heard in political discussions are words like *konsensus, privatizatsia, korruptsia, plyuralizm* and *konsolidatsia* (Chicago Tribune 4.10.1992; цит. по Кабакчи, Белоглазова 2012).

Англицизм вошло в русский язык так много на рубеже веков, что стали слышны разговоры о переходе на латиницу. Вот, например, что писал член-корреспондент РАН С. А. Арутюнов: «По моим прогнозам, в течение этого столетия русский язык перейдет на латиницу. Декретов не будет — жизнь все определит. Сначала на латиницу перейдет компьютер, потом печать на принтере, малотиражная и техническая литература. Родная кириллица сохранится как памятник истории. Ей будут пользоваться поэты, на ней будут писаться церковные тексты» (Лесков 2001). Пока его прогнозы, к счастью, не оправдались. Русский язык смог переварить наше шествие, а русская культура устоять перед всеми тектоническими сдвигами рубежа веков, но история идет вперед, и как будет продолжаться развиваться наша цивилизация, время покажет.

Среди локалоидов есть и сравнительно недавние поступления из английского языка: «*Supermarket* (supermarkets) have become increasingly popular <...>» (Masters 2005, 166).

Здесь введение локалоида в текст показывает, что заимствована не только модель магазина, но и его наименование: супермаркеты (и по форме, и по содержанию) являются нововведением уже новой России. Пришедшие к нам с Запада, супермаркеты полностью скопировали бизнес-модель и заимствовали сам термин.

Введение локалоидов в текст позволяет решать самые разнообразные задачи стилизации текста. В нижеприведенных примерах введением локалоидов достигается эффект русификации текста:

“*Tanki i banki*, tanks and banks”, grumbled my mom (von Bremzen 2014, 378).

[On Anya’s visiting the Mausoleum] “*Idiotka*”, Mom finally snorted (von Bremzen 2014, 391). Mom couldn’t admit to Ninka she hadn’t yet seen real *kino* (von Bremzen 2014, 102).

Понятие «интеллигент» является исключительно важным для русской культуры. Не удивительно, что при обращении английского языка к нашей культуре должен был появиться и соответствующий ксеноним: «[Sakharov] is an inward man, a Russian *intelligent*, an intellectual through and through» (Smith 1976, 534).

В английском языке *intelligent* является прилагательным. Курсив и артикль в данном примере сообщают читателю, что перед ним не грамматическая ошибка, а намеренное введение в текст русскоязычного локалоида со своеобразным лексико-грамматическим значением.

Сложным случаем является пара *apothecary* — *аптека*. Во-первых, слово *apothecary* известно лишь эрудированному читателю, в англоязычных странах сегодня используются *the Chemist’s, pharmacy* (вариант, широко используемый в мире) или *drugstore* (американский вариант). Используемое в средние века вплоть до середины XIX в. *apothecary* в английских словарях сегодня идет с пометкой *устар.*, хотя в некоторых других европейских языках это слово осталось (die Apotheke в немецком, например).

<...> pharmacology derives from the medieval apothecaries, who both prepared and prescribed drugs. In the early 19th century a split developed between apothecaries who treated patients and those whose interest was primarily in the preparation of medicinal compounds; the latter formed the basis of the developing specialty of pharmacology (EncBr 2022).

Как видим, сегодня широкой англоязычной аудитории этот термин не известен. Тем более сложен для восприятия локалоид *apteka*: «And off he goes to the sinister little *apteka* by Stone Bridge <...>» (Lear 1986, 15).

Здесь извлечение смысла требует от читателя определенной креативности мышления, контекст в таких случаях, конечно, помогает. Вместе с тем представляется важным, что автор ввел в текст локалоид, который показывает, что русское слово является ассимилированным заимствованием от общего латинского корня.

Заключение

Итак, универсальность полионимической лексики достигается ее гибкостью и способ-

ностью адаптироваться в соответствии с коммуникативной ситуацией. Однако как в случае прямого межкультурного диалога, так и в случае перевода необходимо учитывать, что полные языковые эквиваленты редко случаются в языковых парах. Особенно осторожно в этой связи следует подходить к интеронимам, которые своей формой часто создают ложное представление о большей схожести значений, чем есть на самом деле. Здесь переводчику на помощь часто приходят локалоиды, которые своим написанием сигнализируют внимательному читателю, что здесь объемы значений в данной языковой паре не совпадают. Владеющим же русским языком дают русский термин для дальнейшего его изучения в соответствующих источниках.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Список сокращений

АЯМО — английский язык межкультурного общения
 АЯМО (РК) — английский язык межкультурного общения, ориентированный в область русской культуры
 ИОКz — иноязычное описание культуры
 ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь
 ЯМО — язык межкультурного общения
 CamEnc — The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union
 EncBr — Encyclopedia Britannica
 FCO Language — Foreign Culture-Oriented language
 FCOE — Foreign Culture-Oriented English
 LDCE — Longman Dictionary of Contemporary English
 OALD — Oxford Advanced Learner's Dictionary
 ODE — Oxford Dictionary of English

Словари и справочная литература

Даль, В. И. (1996) *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* СПб.: Диамант.
 Ярцева, В. Н. (ред.). (1990) *Лингвистический энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 682 с.
 Hornby, A. S., Gatenby, E. V., Wakefield, H. (eds.). (1963) *Advanced learner's dictionary of current English.* 2nd ed. London: Oxford University Press, 1200 p.
Longman Dictionary of Contemporary English. [Online]. Available at: <https://www.ldoceonline.com/dictionary> (accessed 11.02.2022).
Oxford Dictionary of English. (2010) 3rd ed. [Online]. Available at: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199571123.001.0001/acref-9780199571123> (accessed 11.02.2022).
 Repression. (2022) *YourDictionary.* [Online] Available at: <https://www.yourdictionary.com/repression> (accessed 11.02.2022).

Литература

Бархударов, Л. С. (1975) *Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода.* М.: Международные отношения, 239 с.

- Жлуктенко, Ю. А. (1980) Интернационализмы в процессах соприкосновения языков. В кн.: И. К. Белодед, В. В. Акуленко, А. Граур и др. *Интернациональные элементы в лексике и терминологии*. Харьков: Вища школа, с. 47–61.
- Кабакчи, В. В. (1998) Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 232 с.
- Кабакчи, В. В. (2009) Нам не дано предугадать. В кн.: *Ученые записки. Т. 14. Современные проблемы филологии, межкультурной коммуникации и перевода*. СПб.: ИВЭСЭП; Знание, с. 5–16.
- Кабакчи, В. В. (2011) Введение в интерлингвокультурологию. В кн.: О. А. Александрова, Е. Ф. Жукова (ред.). *Язык и межкультурная коммуникация: материалы Второй Международной научно-практической конференции, Великий Новгород, 19–20 мая 2011 г.: в 2 т. Т. 1*. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, с. 11–19.
- Кабакчи, В. В., Белоглазова, Е. В. (2012) *Введение в интерлингвокультурологию*. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 255 с.
- Кабакчи, В. В. (2021) Лингвистика и политика: русизмы в англоязычной полемике Запада с Россией. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 3, № 2, с. 138–152. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-138-152>
- Кабакчи, В. В., Прошина, З. Г. (2021) Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации. *Russian Journal of Linguistics*, т. 25, № 1, с. 165–193. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193>
- Лесков, С. (2001) Битва между кириллицей и латиницей. *Известия*, 24 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/250788> (дата обращения 11.02.2022).
- Прошина, З. Г. (2007) *The ABC and controversies of World Englishes*. Хабаровск: Графика, 120 с.
- Свадост, Э. П. (1968) Как возникнет всеобщий язык? М.: Наука, 287 с.
- Щерба, Л. В. (1974) *Языковая система и речевая деятельность*. Л.: Наука, 427 с.
- Kachru, B. B. (1992) Models for non-native Englishes. In: B. V. Kachru (ed.) *The other tongue. English across cultures*. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, pp. 48–74.

Sources

- Borowsky, B. (1990) *Baedeker's Leningrad*. Norwich: Jarrold and Sons Publ., 200 p. (In English)
- Bloomberg. (2020) Putin keeps Stalin's crimes under wraps in WWII battle with West. *The Moscow Times*, 13 February. [Online]. Available at: <https://www.themoscowtimes.com/2020/02/13/putin-keeps-stalins-crimes-under-wraps-in-wwii-battle-with-west-a69274> (accessed 11.02.2022). (In English)
- Brown, A. (ed.). (1994) *The Cambridge encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 604 p. (In English)
- Corney, J. (1993) View from a cab. *Time*, 15 December. [Online]. Available at: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,977760,00.html> (accessed 11.02.2022). (In English)
- Encyclopedia Britannica*. (2022) [Online]. Available at: <https://www.britannica.com> (accessed 11.02.2022). (In English)
- Hosking, G. (2001) *Russia and the Russians. From earliest times to 2001*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 718 p. (In English)
- Kelly, C. (2014) *St Petersburg: Shadows of the past*. New Haven; London: Yale University Press, 464 p. (In English)
- Lear, J. (1986) *Death in Leningrad*. London: Pluto Press, 192 p. (In English)
- Masters, T. (2005) *St. Petersburg*. Melbourne: Lonely Planet Publ., 250 p. (In English)
- Meier, A. (2004) *Black Earth: A journey through Russia after the Fall*. London: Harper Perennial Publ., 528 p. (In English)
- Richardson, D. (2005) *The rough guide to Moscow*. 4th ed. London: Rough Guides Publ., 496 p. (In English)
- Roth, A. (2020) Russian author defends gulag-era story as TV series provokes backlash. *The Guardian*, 3 May. [Online]. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/03/russian-author-defends-gulag-era-story-as-tv-series-provokes-backlash> (accessed 11.02.2022). (In English)
- Smith, H. (1976) *The Russians*. London: Sphere Books Publ., 639 p. (In English)
- Time. U. S. edition*. (1996). Vol. 147, no. 22, 27 May. (In English)
- Von Bremzen, A. (2014) *Mastering the art of Soviet cooking: A memoir of food, family and longing*. New York: Broadway Books Publ., 350 p. (In English)

Dictionaries and reference literature

- Dal', V. I. (1996) *Tolkovyyj slovar' zhivogo velikoruskogoazyka: v 4 t. [Explanatory dictionary of the living great Russian language: In 4 vol.]*. Saint Petersburg: Diamant Publ. (In Russian)
- Hornby, A. S., Gatenby, E. V., Wakefield, H. (eds.). (1963) *Advanced learner's dictionary of current English*. 2nd ed. London: Oxford University Press, 1200 p. (In English)

- Longman Dictionary of Contemporary English*. [Online]. Available at: <https://www.ldoceonline.com/dictionary> (accessed 11.02.2022). (In English)
- Oxford Dictionary of English*. (2010) 3rd ed. [Online]. Available at: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199571123.001.0001/acref-9780199571123> (accessed 11.02.2022). (In English)
- Repression. (2022) *YourDictionary*. [Online] Available at: <https://www.yourdictionary.com/repression> (accessed 11.02.2022). (In English)
- Yartseva, V. N. (ed.). (1990) *Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 682 p. (In Russian)

References

- Barkhudarov, L. S. (1975) *Yazyk i perevod: Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda [Language and translation: Issues of general and specific history of translation]*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 239 p. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (1998) *Osnovy angloyazychnoj mezhkul'turnoj kommunikatsii [Basics of English-speaking intercultural communication]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 232 p. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (2009) Nam ne dano predugadat' [We cannot foresee]. In: *Uchenye zapiski. T. 14. Sovremennye problemy filologii, mezhkul'turnoj kommunikatsii i perevoda [Scholarly notes. Vol. 14. Modern problems of philology, intercultural communication and translation]*. Saint Petersburg: St. Petersburg Institute of International Economic Relations, Economics and Law Publ.; Znanie Publ., pp. 5–16. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (2011) Vvedenie v interlingvokul'turologiyu [Introduction into interlinguoculturology]. In.: O. A. Aleksandrova, E. F. Zhukova (eds.). *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: Materialy Vtoroj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, Velikij Novgorod, 19–20 maya 2011 g.: v 2 t. T. 1. [Language and intercultural communication: Materials of the second international scientific and research conference. Veliky Novgorod, 19–20 May, 2011: In 2 vols, Vol. 1]*. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., pp. 11–19. (In Russian)
- Kabakchi, V. V., Beloglazova, E. V. (2012) *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu [Introduction into interlinguoculturology]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics Publ., 255 p. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (2021) Lingvistika i politika: rusizmy v angloyazychnoj polemike Zapada s Rossiej [Linguistics and politics: Russianisms in the western English-Language political discourse with Russia]. *Issledovaniya yazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie — Language Studies and Modern Humanities*, vol. 3, no. 2, pp. 138–152. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-138-152> (In Russian)
- Kabakchi, V. V., Proshina, Z. G. (2021) Leksiko-semanticheskaya odnositel'nost' i adaptivnost' v perevode i mezhkul'turnoj kommunikatsii [Lexico-semantic relativity and versatility in translation and intercultural communication]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25, no. 1, pp. 165–193 <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193> (In Russian)
- Kachru, B. B. (1992) Models for non-native Englishes. In.: B. B. Kachru (ed.) *The other tongue. English across cultures*. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, pp. 48–74. (In English)
- Leskov, S. (2001) Bitva mezhdru kirillitsej i latinitsej [Alphabet battle]. *Izvestiya*, 24 August. [Online]. Available at: <https://iz.ru/news/250788> (accessed 11.02.2022). (In Russian)
- Proshina, Z. G. (2007) *The ABC and controversies of World Englishes*. Khabarovsk: Grafika Publ., 120 p. (In Russian)
- Shcherba, L. V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost' [Language system and speech activity]*. Leningrad: Nauka Publ., 427 p. (In Russian)
- Svadost, E. P. (1968) *Kak vzniknet vseobshchij yazyk? [How does a common language come about?]*. Moscow: Nauka Publ., 287 p. (In Russian)
- Zhluktenko, Yu. A. (1980) Internatsionalizmy v protsessakh soprikosnoveniya yazykov [International vocabulary in the processes of contact of languages] In: I. K. Beloded, V. V. Akulenko, A. Graur et al. *Internatsional'nye elementy v leksike i terminologii [International elements in vocabulary and terminology]*. Kharkiv: Vishcha shkola Publ., pp. 47–61. (In Russian)